

**АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ**

**ПИСЬМЕННЫЕ ПАМЯТНИКИ И ПРОБЛЕМЫ
ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ НАРОДОВ ВОСТОКА**

**УШ ГОДИЧНАЯ НАУЧНАЯ СЕССИЯ ИО ИВ АН
(автоаннотации и краткие сообщения)**

**ИЗДАТЕЛЬСТВО "НАУКА"
Главная редакция восточной литературы
1972**

и из Филипп). Почти все они содержат как послание Авгара, так и ответ Христа, за исключением трех: Гетеборгского папируса, Эдесской и Евхантаской надписей, которые содержат лишь ответ, представляющий, с точки зрения магического предотвращения бед, наибольшую ценность.

Все тексты, за исключением Гетеборгского (который имеет сходство с коптской версией - *Philologische Wochenschrift*, Leipzig, 1930, № 8), представляют редакцию писем, близкую к тому, что дано у Евсевия, и расходятся как с Евсевием, так и между собой лишь в заключительной части ответного письма. Она содержит т.н. "эдессизм" - обещание сделать Эдессу неприступной для врагов, - относительно подлинности которого возникали сомнения уже у средневековых историков (см. нпр. Прокопий Кесарийский, *De bello Persico* II.12). Этот "эдессизм" является, по сути, особой легендой, возникшей в конце IY в. н.э. в условиях, когда стабилизировались отношения Римской империи с ее основным восточным противником - Ираном. Именно данное добавление подкрепляло веру в апотропеическую силу текста переписки. Во всех греческих текстах переписка по Евсевию дополнена обещанием сделать город неприступным, причем каждый текст дает особую версию обещания. Эти дополнения появились, несомненно, в результате сирийского влияния. Различные варианты дополнительной части свидетельствуют о том, что до того, как она была зафиксирована письменно в "Учении Аддая", легенда об обещании имела традицию устного распространения как на сирийском, так впоследствии и на греческом языке.

Апотропеические тексты на греческом языке охватывают время с IY по V вв. н.э. и позволяют поэтому проследить литературную историю легенды в период, не представленный рукописной традицией.

С.Л.Невелева

К ВОПРОСУ О ТРИАДЕ (интерпретация Махабхараты)

I. Индуистская триада традиционно распределяет функции разрушения, созидания и сохранения мира соответственно между тремя

главными божествами: Шивой, Брахмой и Вишну. Попытаемся выявить распределение указанных функций на тексте III книги Махабхараты ("Араньякапарва", или "Лесная"), используя материал, не имеющий непосредственного отношения к композиционной канве, дополненный характеристиками Шивы, Вишну и Брахмы как действующих лиц основного повествования.

2. Самоочевидным представляется факт, что все три функции (разрушение, созидание и сохранение) в частях текста, посвященных Вишну, приписываются ему одному. Дурьоджана, отрекаясь от царства в пользу Духмасаны, говорит ему: "Охраняй (нам) род так, как Вишну (хранит) сонмы богов" (238.25)¹. Хранимые Вишну миры благоденствуют благодаря его милости (101.2,5).

Мудрец Уттанка славит Вишну: "Тобой, о лучезарный, сотворено все сущее... и то, что доступно познанию" (192.11). Маркандей говорит о Вишну, что он - "творящий и преобразующий всесоздатель" (kartā vikartā sa sarva - bhāvana - bhūta - kṛt, 186.14, точнее - "творящий и преобразующий /или разрушающий/ создатель вселенной и всего сущего"). "Он, создающий, не создаем, он сам - источник созидательной силы" (186.16). Вишну, "могучий творец мира" (192.21), наделил думов все сущее (187.35). Подобно тому, как из тела гиганта в ведической Пурушасукте произвели четыре касты, точно также Вишну в эпосе выступает творцом разделенного на сословные разряды человечества (187.13). Вселенная покорна его воле: "Я создаю богов, людей, гандхарвов, демонов-змеев, ракшасов и весь неживой мир, и я же уничтожаю (их) своей тайной силой" (187.29).

И далее: "Когда ты доволен, весь мир благоденствует, но воцаряется ужас великий, если ты гневен" (192.16) - в описании божества, суть природы которого - даровать благо страждущим, вновь (ср. выше) появляются черты, более подходящие характеристике, например, Шивы. И совсем определенно, недвусмысленно традиционная функция Шивы отнесена к Вишну в словах того же мудреца Уттанки: "Ты и творец, и губитель всего, живущего на земле" (192.19).

С функцией разрушения связана также акция Вишну в конце цикла мировых периодов (уг), когда в форме пламени конца мира (pralayaṅgī) он уничтожает все живое, что еще уцелело после очистительного потопа и засухи (187.12). Сам Вишну провозглашает: "Я - пламя конца мира, я - Яма конца мира, я - солнце конца мира, я - ветер конца мира" (187.17).

На основании приведенных примеров, даже если сделать поправку на экзальтированность описания Вишну в тех пассажах, где он является центральной фигурой и на несомненное предпочтение, которое оказывает эпос этому божеству, можно прийти к предварительному выводу о нечеткости разграничения функций между богами будущей триады.

3. Переходя к рассмотрению функциональной значимости Брахмы, отметим, во-первых, наличие в его образе сходных аспектов - творение и разрушение (последний - в менее ярко выраженной форме), и, во-вторых, - явное пересечение функции создания Брахмы с той же функцией Вишну при том, что для Брахмы именно эта характеристика является определяющей (Вишну мыслится в этой связи неким метафизическим абсолютом, началом начал мироздания).

Эпический Брахма - демьург, от которого произошли боги, демоны и люди. Другая сторона творческой активности Брахмы, описанная в тексте, связана со сменой космических периодов. Когда поток кончается, "Прародитель пробуждается ото сна" (I86.4) и, "наполнив воздухом небеса и всюду рассродоточив воду, в должном порядке воссоздает четыре формы жизни" (I86.5).

Брахма - "творец всего, что движется и что неподвижно" (I60. I3, ср. I92. II - аналогичная характеристика Вишну), "творец мира" (lokabhāvana 260. I4), "творец всех миров" (sarva lokāṇāṃ agratā - 258. II). Вишну возражает "честные порядки, установленные Самосущим (svayaṁ bhū), т.е. Брахмой" (I89.2)².

Приписываемая Брахме функция творения охарактеризована недостаточно четко: неясно, где кончается деятельность Вишну, и начинается творчество Брахмы³, тем более, что об их созидательной активности говорится примерно в одних и тех же выражениях. По-видимому, тенденция видеть в Брахме бога-творца в эпосе уже складывается, и в то же время традиция древнейшей мифологии - приписывать акцию творения мира верховному божеству в случае Брахмы и Вишну как бы расщепляется, приводя к некоторой нечеткости характеристики их как созидательных начал.

Разрушительная функция Брахмы, нехарактерная для этого божества, приписываемая ему, как и Вишну, лишь по праву владыки, творца всего существующего, упомянута скупо (см., напр., I68. II). Единственный раз Брахма выступает в несвойственной ему роли спасителя человечества в бедствии, которым является обычно Вишну

(идентификация Брахмы с рыбой, спасшей прародителя Ману и мудрецов от потопа - 185.48).

4. Эпический Шива - фигура четко очерченная, с определенным кругом взаимосвязей и строго зафиксированными функциями, основная из которых - мятежная сила разрушения. В описании его облика, атрибутов, акций подчеркнут аспект воинственный, устрашающий (214.20, 40.3, 170.39). Если Вишну и Брахма и проявляют себя в приписываемой им акции разрушения, то мыслится она как один из аспектов всесозидающей творческой силы: эти боги всеобладатели и всепроникающие, и потому им суждено разрушать, абсорбировать все сотворенное, чтобы вновь начать созидание. Функция космического созидания для Шивы не характерна, хотя в апелляциях к нему встречается такая характеристика, как, например, *lokabhāvana*, "творец вселенной" (40.33, ср. то же о Брахме), или повторяются мотивы, присущие описанию Вишну (41.8, 81.108). Необходимо учитывать при этом известный "механизм" прославлений, заключающийся в том, что один и тот же тип содержания прославления используется при обращении к различным объектам.

5. В послеэпической традиции Вишну, Шива и Брахма связаны воедино понятием триады и представляются тремя проявлениями единого начала. Синкретность этого понятия индуистской религиозно-философской мысли была отмечена еще 4. Шредером.

Эпосу чуждо понимание этих трех богов в единстве, также как чужда строгая закреплённость за каждым определенной функциональной нагрузки. Зародыши будущего распределения функций обнаруживаются в эпическом материале: в характеристике Брахмы преобладает аспект созидания, Вишну последовательно приписывается роль спасителя человечества (божества охраняющего), Шива - несомненно грозная сила разрушения. Но если функция Шивы оформлена, стабильна, то демидургом может выступать и Вишну, и Брахма, а иногда и Шива.

По-видимому, понятие триады как совокупности трех функциональных проявлений единого начала не приложимо к эпосу.

1) Ссылки даются по критическому изданию Махабхараты - *The Mahābhārata for the first time critically edited by V. S. Sukthankar, vols. 3, 4. Poona, BORI, 1942.* Цифры обозначают номера глав и стихов.

2) Этот пример можно трактовать следующим образом: функция первичного творения лежит на Брахме, но в циклической повторяемости мг (186.1) его акцию копирует Вишну.

3) Попытка разграничения функции создания Вишну и Брахмы зафиксирована в сцене потопы (187.39,40): чередуется одно и то же состояние космического сна, т.е. исключения из действия.

Э.С.Русинова

ВОСТОК В ТВОРЧЕСТВЕ У.С.МОЭМА

1. Перу известного английского писателя Уильяма Сомерсета Моэма (1874–1965) принадлежит большое количество романов, рассказов, новелл, путевых очерков, работ литературно-критического и философского характера, так или иначе связанных с темой Востока. Материал для большинства своих произведений Моэм собирал во время путешествий. До глубокой старости он странствовал по отдаленным странам, считая, что знакомство с бытом и культурой других народов, встречи с различными людьми и разнообразные жизненные ситуации во время путешествий могут явиться для писателя неиссякаемым источником наблюдений, необходимых для творчества.

2. Вскоре после окончания I Мировой войны Моэм совершает первую поездку на Восток. Он посещает Гавайские острова, Самоа, Таити, Китай и Индонезийские острова. Целью этого путешествия было собрать материал для книги о Гогене, полотно которого поразило Моэма в музеях Норвегии в 1917 г. Так в 1919 г. был написан роман о художнике Стрикленде "Луна и гром". С 1921 по 1931 гг. Моэм почти непрерывно посещает Ближний и Дальний Восток, побережье Африки. Знакомство с этими странами дало писателю возможность создать такие сочинения, как сборник "На китайском экране" (1922), пьеса "К востоку от Суэца" (1922), книга путевых очерков "Джентльмен в гостиной" (1930), роман "Раскрашенная вуаль" (1925), сборники рассказов "Трепет листа" (1921), "Казуарина" (1926) и др.

3. В раннем творчестве Моэма и до 30-х годов Восток, в основном, являлся для писателя фоном, на котором протекала хорошо ему знакомая жизнь колониального чиновничества. Моэм сумел показать, что там, где лицемерие, жестокость, догматичность, рели-